

УДК 327.8(98)(045)

DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165

Арктика на грани гибридной войны? *

© **КОНЫШЕВ Валерий Николаевич**, доктор политических наук, профессор

E-mail: konyshev06@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье изучается феномен гибридной войны применительно к арктической политике. Основная цель исследования состоит в том, чтобы показать, насколько состоятельна эта концепция, кого западные эксперты считают главным источником гибридных угроз и что они включают в гибридные угрозы в Арктике. Эмпирическую базу исследования составили документы международных организаций и публикации западных авторов. На основе критического анализа документов и публикаций показано, что понятие гибридной войны ввели в научный оборот военные, но оно используется и в более широком смысле. Военные эксперты пока не выработали чёткого определения гибридной войны. Представители политических наук используют понятие гибридной войны в ещё более аморфном значении, что приводит к неограниченному расширению понятия. На конкретных примерах показано, что под понятие гибридных угроз потенциально попадают любые проявления политики России, что располагает к созданию политической мифологии, прикрывающей политические цели западных оппонентов. В западных публикациях нет единства в отношении продуктивности концепций гибридных угроз и гибридных войн, но более распространена радикальная точка зрения, которая сводится к навязыванию конфронтационных отношений в Арктике и в международной политике в целом.

Ключевые слова: Арктика, безопасность, гибридные войны, гибридные угрозы, Россия, сдерживание.

Is the Arctic on the Brink of a Hybrid War?

© **Valeriy N. KONYSHEV**, Dr. Sci. (Polit.), professor

E-mail: konyshev06@mail.ru

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the phenomenon of hybrid war in relation to Arctic politics. The goal of the study is to show how valid this concept is, who Western experts consider the main source of hybrid threats, and what they consider hybrid threats in the Arctic. The empirical grounds of the study are documents of international organizations and publications of Western authors. A critical analysis of documents and publications shows the concept of hybrid war was introduced into scientific circulation by the military, but it is also used in a broader meaning. Military experts have not yet come up with a clear definition of hybrid war. Representatives of political science use the concept of hybrid war in an even more amorphous meaning, which leads to its unlimited expansion. Based on specific examples, it is shown that any manifestations of Russian politics potentially fall under the concept of hybrid threats, which is conducive to the creation of political mythology that covers up the political goals of Western opponents. There is no consensus in Western publications regarding the productivity of the concepts of hybrid threats and hybrid wars, but a more common radical point of view, which limits down to the imposition of confrontational relations in the Arctic and in international politics in general.

Keywords: Arctic, security, hybrid war, hybrid threats, Russia, deterrence.

* Для цитирования:

Коньшев В.Н. Арктика на грани гибридной войны? // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165

For citation:

Konyshev V.N. Is the Arctic on the Brink of a Hybrid War? *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165

Введение

В современной политике государств по обеспечению безопасности утвердилась тенденция к расширительной трактовке безопасности, которая означает, что спектр угроз охватывает как военные, так и невоенные составляющие. Одним из проявлений этой тенденции стала тема гибридных угроз. Термин был введён в оборот в 2007 г. американскими исследователями [1, Hoffman F.], но всеобщий интерес к нему вырос после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г.

В условиях общего ухудшения отношений Запада с Россией термин «гибридная война» применяется не только к конкретным эпизодам, таким как «цветные революции», но и для характеристики внешней политики отдельных государств. В гибридной войне западные эксперты усматривают ростки новой формы войны и даже «большой стратегии» государств в XXI в. [2, Schmid J.]. Именно в этом ключе политику России в отношении Украины или стран Балтии всё чаще приравнивают к гибридной войне [3, Banasik M.]. В странах Европы, в НАТО [4, Treverton G., Thvedt A., Chen A.] и в США [5, Davitch J.] заговорили о гибридной угрозе как долгосрочной и весьма серьёзной проблеме безопасности, приобретающей глобальные масштабы.

Странами Запада за последние несколько лет сформировано целое направление исследований, которое опирается на тезис о том, что наступила новая эра в политике безопасности, именуемая «эрой гибридных угроз». Её отличие состоит в новом сочетании элементов стратегии и тактики [6, Smith A., с. 2]. Разработкой стратегии по противодействию гибридным угрозам занимается НАТО и созданный в 2017 г. Европейский центр экспертизы по противодействию гибридным угрозам (The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats), со штаб-квартирой в Финляндии. Основная задача центра — обеспечить сетевое взаимодействие экспертов и политиков, а также координировать усилия НАТО и стран ЕС в борьбе с гибридными угрозами. О размахе деятельности говорит тот факт, что в работе центра участвуют 27 стран, включая помимо европейских государств США и Турцию. Кроме того, создан Совместный проект по изучению гибридных угроз с участием всех прибрежных арктических государств (Multinational Capability Development Campaign project), который уделяет основное внимание разработке концептуальных основ противодействия гибридным угрозам.

В последнее время тема гибридных угроз и гибридных войн стала звучать в отношении Арктики, где не происходило существенного ухудшения военно-политической обстановки даже на фоне украинского кризиса [7, Konyshev V., Sergunin A., Subbotin S.]. Можно ли говорить о новом виде в эволюции угроз в Арктике, или это пример политической мифологии для достижения иных целей? В связи с этим в статье изучаются источники, содержание и место гибридных угроз (и войн) в ряду других политических инструментов арктической политики. Эмпирическую базу исследования составили документы международных организаций,

публикации западных академических журналов, документы мозговых центров и научно-исследовательских институтов, специализирующихся на военной тематике.

Факторы, влияющие на формирование угроз безопасности в Арктике

Угрозы безопасности в Арктике формируются под влиянием ряда факторов, которые оказывают определённое влияние на политику государств региона в военно-политической сфере.

Во-первых, Арктика со времён холодной войны сохраняет глобальное стратегическое значение в политике ядерного сдерживания между США и Россией. На практике это означает, что многоцелевые атомные подводные лодки США ведут патрулирование в Северном Ледовитом океане. Их основное вооружение — крылатые ракеты в неядерном оснащении. Через арктические пространства проходят траектории для пуска баллистических ракет из континентальной части США и России. На Кольском полуострове базируется российский Северный флот, и здесь находится две трети ядерного арсенала для выполнения задач стратегического сдерживания.

Во-вторых, под влиянием изменения климата уменьшается площадь постоянных льдов, что расширяет возможности для ведения морских операций и военно-морского присутствия в Арктических морях. Это касается главным образом подводного флота.

В-третьих, характер противоречий между арктическими государствами по региональным вопросам, таким как территориальные споры, статус морских акваторий, право на разработку ресурсов, в основном решается в рамках существующего правового режима Арктики. Риски военного конфликта из-за региональных проблем оцениваются как вполне умеренные или низкие.

В-четвёртых, в случае, если всё же произойдет радикальное ухудшение военно-политической обстановки, ведение масштабных межвидовых операций в Арктике с использованием высокоточного оружия будет затруднено в силу суровых климатических условий, геомагнитных помех, затрудняющих работу систем связи, а также немногочисленности военных баз в непосредственной близости [8, Воронов К. В.; 9, Загорский А.В.].

В наиболее уязвимом положении с северного стратегического направления находится Россия, поскольку она имеет самую протяжённую границу непосредственно в Арктике. Кроме того, вдоль побережья проходит Северный морской путь, по которому постепенно развивается международное судоходство, подразумевающее право мирного прохода для военных судов. Суммарная мощь блока НАТО, который может быть использован в Арктике, намного превосходит военный потенциал России, расквартированный в этом регионе [10, Konyshev V., Sergunin A.].

Перспектива к дальнейшей милитаризации Арктики возможна, однако объективных оснований для перелома ситуации пока нет. Конечно, сохраняющиеся негативные тенденции требуют реагирования России. В частности, растёт количество и масштаб учений по ли-

нии НАТО, делаются попытки вовлечения в этот военный блок Финляндии и Швеции, а в Польше и Норвегии постепенно наращивается инфраструктура в интересах развития средств ПРО, которые могут быть достаточно быстро преобразованы из оборонительных в ударные системы.

Помимо отмеченных выше, внимание западных экспертов и политиков всё более привлекают новые факторы, способствующие милитаризации Арктики. Ярким примером служат дискуссии о гибридных угрозах. Но в отличие от собственно военных, гибридные угрозы трактуются так, что могут быть отнесены как к спектру «жёстких», так и «мягких» вызовов безопасности. Для того чтобы понять, что они из себя представляют и каково их место в ряду других угроз безопасности в арктическом регионе, необходимо начать с военно-доктринальных оснований концепции гибридной войны.

Гибридные войны и угрозы: военно-доктринальные основания

В рассуждениях западных экспертов о наступлении «новой эры гибридных угроз» толкование гибридной войны остаётся весьма расплывчатым и сводится к тезису о сочетании различных методов и инструментов военного и невоенного характера, которые могут использоваться в явной или скрытой форме. Как следствие, в ряде научных публикаций и официальных заявлениях различных государств уже не просто отдельные действия России, но и вся её внешняя политика в целом называется гибридной войной [4, Treverton G., Thvedt A., Chen A., с. 67; 11, Chivvis C., с. 316–321].

Как сложилось такое положение дел, можно понять, обратившись к документам министерства обороны США, которые во многом задают тон в эволюции всей западной военно-стратегической мысли. Из документов министерства обороны США следует, что гибридной войны как особого вида противоборства на военно-доктринальном уровне не существует. Речь идёт лишь о попытках военных экспертов определить специфические признаки гибридной войны, исходя из современного опыта военных конфликтов. Общий тренд исследований состоит в том, чтобы сформулировать отличительные признаки гибридной войны, т.е. попытаться показать, что гибридная война — это некий новый качественный этап в развитии иррегулярной войны. Но пока трактовка гибридной войны остаётся крайне аморфной и сводится к сочетанию методов регулярной и иррегулярной войны, что в общем-то характерно для войн на протяжении длительной истории. Примечательно, что в анализе действий России в Крыму в 2014 г. американские военные тоже используют термин «гибридная война» формально, быстро переходя к терминам иррегулярной войны¹. Поэтому следует согласиться с мнением той части российских и зарубежных экспертов, которые утверждают, что для профессиональных военных гибридная война сводится не более чем к оперативному искусству планирования и проведения операций, сочетающих уже известные методы противоборства

¹ Counter-Unconventional Warfare. White paper. URL: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf> (дата обращения: 14.04.2020).

[12, Конышев В.Н., Парфенов Р.В.; 13, Johnson R.; 14 Russia's military...; 15, Reichborn-Kjennerud E., Cullen P.].

В справке, адресованной в штаб НАТО в 2010 г., также указывалось, что в альянсе нет чёткого понимания того, что такое гибридная угроза и как ей противодействовать². Интерес к теме угасал из-за недостатка финансирования, и в итоге её переадресовали из НАТО в созданный Европейский центр экспертизы по противодействию гибридным угрозам (Хельсинки), который финансировался уже по линии отдельных государств, а не из средств альянса. Однако и после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. альянсу не удалось ни выработать определение гибридной войны, ни сформулировать стратегию ответа на гибридные угрозы. В ежегодном отчёте генсека НАТО за 2019 г. говорится, что альянс продолжает разработку стратегии борьбы против гибридных угроз, но «основная ответственность по реагированию на гибридные нападения лежит на подвергшемся атаке государстве»³. Это значит, что пока реагирование на гибридное нападение на одно из государств альянса никак не соотносится со статьей 5 о коллективной обороне НАТО.

В дискуссиях экспертов также не наблюдается особого прогресса в понимании сущности гибридной войны. В рамках упомянутого Совместного проекта по изучению гибридных угроз опубликовано предельно широкое толкование термина «гибридная война»: «в действительности гибридная война происходит на международной арене в континууме от соревнования до конфликта между акторами». И далее уточняется, что термин «война» следует понимать фигурально, поскольку он в данном случае обозначает «серьёзную, состязательную, враждебную и устойчивую природу вызова» безопасности. Экспертному сообществу и политикам предлагается оперировать понятием, которое, с одной стороны, по объёму совпадает с внешней политикой государства, а с другой, оно фактически ликвидирует границу между состоянием войны и мира⁴.

В настоящее время в политическом дискурсе употребление концепции гибридной войны демонстрирует две тенденции. Гибридная война в специально военном значении находится в стадии становления, и среди военных отношение к ней достаточно сдержанное. Также военные используют термин «гибридная война» как аналитический конструкт, т.е. абстракцию, пока ещё не претендующую на обозначение нового типа войн. Гибридная война и гибридная угроза в широком и ещё менее определённом значении всё чаще используется представителями политической науки и действующими политиками. Почему же складывается

² BI-SC Input to a New NATO Capstone Concept for the Military Contribution to Countering Hybrid Threats. Enclosure 1 TO 1500/CPPCAM/FCR/10-270038 5000 FXX 0100/TT-6051/Ser: NU0040 DATED: 25 AUG 10. URL: https://www.act.nato.int/images/stories/events/2010/20100826_bi-sc_cht.pdf (дата обращения: 10.03.2020).

³ The Secretary General's Annual Report 2019. P. 29. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/3/pdf_publications/sgar19-en.pdf (дата обращения: 10.04.2020).

⁴ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Countering Hybrid Warfare. March 2019. P. 17. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/784299/concept_s_mcdc_countering_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

ся такая странная ситуация: слабо разработанное понятие заимствовано у военных, но интенсивно используется в политическом дискурсе?

Важность концепции гибридной войны в широком понимании определяется тем, что она позволяет перевести практически любые действия государства-оппонента или негосударственного актора в так называемую «серую зону» международно-правового поля [16, Sloan E.]. Другими словами, создаётся возможность трактовать некие действия политического оппонента как агрессию со всеми вытекающими последствиями. Подобным примером ещё несколько лет назад была гуманитарная интервенция. Основная проблема гуманитарной интервенции состояла в противоречии с принципом суверенитета. В случае гибридной войны — это возможность подвести политику оппонента под понятие агрессии. Конечно, и другая сторона конфликта тоже может использовать эффект «серой зоны» для прикрытия истинных геополитических целей.

Отсюда становится понятным соблазн использовать гибридные угрозы для политических манипуляций и легитимации ответных силовых действий в обход международного права. Лишь этими соображениями можно объяснить, почему западные эксперты при всей неопределённости понятия гибридной войны, тем не менее, предлагают на годы вперед сделать стратегию противодействия гибридным угрозам главным приоритетом в стратегии США и НАТО⁵. А в практическом плане предлагается усиливать присутствие НАТО на передовых рубежах обороны, например, в странах Балтии [14, Russia' military..., с. 181]. Эта же логика постепенно распространяется на регион Арктики.

Государства-источники гибридных угроз в Арктике

В настоящее время основным источником гибридных угроз в Арктике называют Россию, но в долгосрочной перспективе к ней может присоединиться и Китай [17, Hicks K., Federici J., Akiyama C., с. 3–5]. В качестве обоснования приводится несколько доводов. Прежде всего, Россия и Китай имеют в Арктике важные и долгосрочные интересы. Но у обоих государств недостаточно ресурсов для реализации стратегически планов: у России — развитой экономики, финансов и технологий, у Китая — правовых оснований на освоение шельфа. В то же время у них есть совпадающие интересы в Арктике, такие как проект Полярного шельфового пути, совместная реализация которого позволит потеснить некоторые арктические державы [18, Sorensen C.]. Но при этом есть и определённые трудности в организации сотрудничества между Москвой и Пекином. Поэтому весьма эффективными инструментами становятся методы непрямого воздействия по линии дипломатии, экономического и научного сотрудничества, которые Китай уже успешно применяет для усиления своего влияния в Арктике [19, Конышев В.Н., Кобзева М.А.].

⁵ Counter-Unconventional Warfare. White paper. URL: <https://info.publicintelligence.net/USASOC-CounterUnconventionalWarfare.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

Кроме того, на Западе считается, что как политическое средство гибридная война актуальна главным образом для тех государств, которые не рассчитывают на достижение целей в открытом военном, политическом или экономическом противостоянии или конкуренции [4, Treverton G., Thvedt A., Chen A., с. 73]. В политическом измерении Китай и Россия противопоставляются другим арктическим державам как авторитарные, поэтому ожидается, что в своих гибридных атаках они будут стараться использовать уязвимости демократических государств для ослабления изнутри. Потенциальными целями для атак становятся основы демократического устройства (государственные гарантии политических прав и свобод, автономность институтов гражданского общества), принцип конкуренции ветвей власти, культурная терпимость, свободные для дискуссий СМИ, ограниченное влияние государства на экономику [20, Wigell M., с. 4,7].

Конечно, военно-политическая обстановка в Арктике складывается не только под давлением объективных обстоятельств. После начала украинского кризиса о росте военных угроз со стороны России заговорили её арктические соседи, с которыми прежде складывались вполне конструктивные отношения. В силу её геополитического положения и членства в НАТО важнейшее значение для России имеет позиция Норвегии, с которой наладилось экономическое и военное сотрудничество (учения «Помор»). Украинский кризис дал импульс к частичному откату от двустороннего сотрудничества Москвы и Осло. На доктринальном уровне Россия была вновь включена в разряд внешних угроз безопасности Норвегии, а совместные программы военного сотрудничества были остановлены. Эксперты Норвежского центра оборонных исследований отметили, что возрастание рисков конфронтации связано с несколькими факторами: отсутствие сдерживающих рычагов у авторитарного режима для применения силы; успехи военной модернизации России были недооценены на Западе; Россия сумела эффективно использовать гибридные действия в Грузии и на Украине, что создаёт соблазн повторить успех, но едва ли это коснётся Арктики [21, Atland].

В публикациях Финского института международных отношений отмечается, что хотя речь не идет о риске полномасштабной войны, ситуация в Арктике оценивается как стратегическое соперничество, происходящее в различных формах. Помимо усиления своего военного потенциала, Россия активно использует гибридные методы войны: вторжения в воздушное пространство арктических государств, постановку помех связи GPS (на учениях НАТО в Норвегии в 2018 г.), кибернетическую активность, энергетическую политику, недружественные дипломатические шаги, организацию потоков беженцев в арктические государства [22, Mikkola, с. 8].

Тем самым гибридная угроза была введена в обсуждение повестки безопасности в Арктике и получила дальнейшее развитие.

Гибридные угрозы в Арктике

Как же конкретно интерпретируется проблема гибридных угроз применительно к Арктике? Здесь можно выделить два условных направления анализа: «умеренное» и «радикальное».

Умеренная часть экспертов высказываются по теме гибридных угроз довольно скептически. Они считают, что гибридная война не может претендовать на роль новой суперстратегии России, более того, подобное отождествление внешней политики и войны усложняет понимание целей России, которые носят невоенный характер. Учёные справедливо указывают, что мифологизация действий России под флагом «гибридной войны» способна только сыграть на руку В. Путину, укрепляя имидж России как сильной державы, с которой надо считаться. С другой стороны, Запад и так ошибочно воспринимал мотивы многих действий России после окончания холодной войны, а сведение российской внешней политики к гибридной войне только из-за ухудшения её отношений с Западом ещё более усугубит данную проблему [23, Renz B., Smith H., с. 3, 10, 14, 18–20].

Говоря о гибридной войне в военном аспекте, эксперты из финского Института Александри отмечают, что в истории военно-стратегической мысли уже не раз приходили и уходили концепции, которые претендовали на обозначение новых типов войн. Они высказываются против преувеличения реальных возможностей вооруженных сил России лишь на основе успешной крымской кампании, т.к. в целом НАТО имеет значительные преимущества. Сам же крымский опыт в виде гибридных действий едва ли будет напрямую перенесён в Балтийский регион или Арктику [23, Renz B., Smith H., с. 3, 10].

Учёные признают, что с военной точки зрения о гибридной войне мало что можно сказать определённого, поэтому свои рассуждения о гибридной угрозе они строят в основном на базе публикаций в СМИ и взятых у экспертов интервью. Вследствие этого многие финские авторы вынуждены говорить даже не о гибридной угрозе со стороны России как части военного противоборства, а о гибридном влиянии (вмешательстве), которое может гипотетически перерасти в угрозу. После этого в гибридное влияние включается буквально любое политическое действие России: информационное, финансовое, физическое, политическое, кибернетическое и политическое насилие [24, Helsinki in the era..., с. 4, 6].

Финские эксперты рекомендуют разрабатывать меры противодействия гибридному влиянию. Например, в Хельсинки муниципалитеты, имеющие широкие полномочия по самоуправлению, должны взять на себя организационную функцию. Они же будут играть ключевую роль в случае перерастания гибридного влияния в гибридную угрозу. Ключом к успеху считается умение муниципалитетов мобилизовать общество, собирать необходимую информацию на локальном уровне и поддерживать высокий уровень доверия граждан друг к другу и к властям [24, Helsinki in the era..., с. 7–8]. Эксперты предлагают рассматривать следующие виды гибридного влияния:

Создание или поддержание уязвимости в технической, экономической или духовной сфере.

Примерами являются деятельность фейковых новостных веб-сайтов.

Наблюдение как сбор информации об объекте с целью изучения уязвимости.

Тестирование как проверка реагирования целевого объекта на определённые действия, например, кибератаки с целью проверки устойчивости IT-систем.

Деятельность по оказанию влияния на целевые объекты различными способами и методами.

Диверсии, когда данная деятельность маскирует какую-либо другую активность [24, Helsinki in the era..., с. 9].

Но вот при каких условиях гибридное влияние перестает в угрозу, эксперты умалчивают, лишь в самом общем виде ссылаясь на существование «нового типа угроз». Здесь возникает логическая неувязка. Ведь сами же представители «умеренных» отмечают, что такая трактовка гибридной войны стирает грань между состоянием войны и мира, что чревато скачиванием к милитаризации политики, затрудняет анализ внешней политики государств и причин конфликтов [23, Renz B., Smith H., с. 22]. Кроме того, гибридная война начинает трактоваться как непрерывная деятельность, начинающаяся задолго до обострения конфликта, что совершенно запутывает вопрос о правовом статусе войны и мира [14, Reichborn-Kjennerud E., Cullen P., с. 3].

Один из вариантов того, как избежать отмеченного противоречия, предлагается в стратегии под названием «демократическое сдерживание», развиваемой сотрудниками Финского института международных отношений. Чтобы разделить военные и невоенные аспекты гибридного воздействия, М. Вигел предпочитает говорить не о гибридной войне, а только о «гибридном вмешательстве», имея в виду не прямые методы борьбы типа манипулятивных технологий, обеспечивающих скрытность внешнего воздействия на общество в целом или отдельные структуры управления. Непрямое воздействие осуществляется по линии тайной дипломатии, геоэкономических рычагов и дезинформации с целью внести хаос и посеять семена раздора в демократическое общество, используя его уязвимые места. Примерами подобного гибридного вмешательства на Западе считается энергетическая политика РФ, направленная на усиление противоречий внутри ЕС; поддержка популистских партий и евроскептиков, поддерживающих идеи дезинтеграции; провоцирование локальных экономических диспропорций через создание избирательных преференций; предоставление экономических льгот для создания коррупционных схем внутри других государств [20, Wigell M., с. 5–6].

Стратегия демократического сдерживания отличается от традиционного понимания сдерживания, сформированного в годы холодной войны. Не государство, а всё общество участвует в демократическом сдерживании, при этом государственные органы выполняют роль координатора совместных усилий. В свою очередь, это требует высокой сплочённости и доверия между государством и обществом. Не жёсткая, а мягкая сила, основанная на при-

влекательности институтов и ценностей либеральной демократии, становится главным инструментом сдерживания. Скрытым действиям противника противопоставляется прозрачность решений, строгое соблюдение законности, гражданская активность. Характер ответных действий на гибридное влияние строится не по принципу балансирования, а с помощью асимметричных средств, основанных на достижениях демократии и демонстрирующих её преимущества оппоненту. Наконец, если традиционное сдерживание направлено на пресечение любой агрессии, то демократическое сдерживание носит явно ограничено, поскольку имеет несиловой характер [20, Wigell M., с. 9–11].

По этой же причине, говоря о формировании стратегии противодействия гибридному влиянию, представители «умеренных» предпочитают делать акцент на концепции «эластичного ответа», стрессоустойчивости (resilience), которая означает повышение способности государства выдержать удар и восстановиться от последствий внешнего негативного воздействия [20, Wigell M., с. 11]. По сути она может рассматриваться как часть стратегии демократического сдерживания в виде системы мер по снижению уязвимости общества и государства. Примечательно, что «умеренные» предостерегают от раздувания проблемы гибридных угроз, что может принести обществу ещё больший ущерб, чем сами эти угрозы. Всеобщая подозрительность способна разрушить доверие в обществе, усилить противоречия и спровоцировать раскол политических сил [24, Helsinki in the era, с. 23].

Однако среди западных экспертов более распространена радикальная позиция, которая находит поддержку по линии институтов ЕС, НАТО и официальных представителей арктических государств. Для неё характерна предельно широкая трактовка термина «гибридная угроза». Как и в оценках «умеренных», она проявляется во многих сферах: административной, правовой, культурной, социальной, дипломатической, инфраструктурной, информационной, кибернетической, космической, экономической, политической, военной, разведывательной. Причём этот перечень может изменяться [25, Nuclear energy..., с. 10]. Но далее делается радикальный вывод, что перед нами спектр проблем, который «способен дестабилизировать международную систему». А раз так, то необходимо создавать общую стратегию всех заинтересованных стран⁶. Глобальность угрозы объясняется тем, что гибридная война является «большой стратегией» государств-«ревизионистов», стремящихся изменить в свою пользу статус-кво на мировой арене, а именно: России, Китая и Ирана⁷. Данное мнение о масштабах и характере гибридных угроз содержится в концептуальных документах, опубликованных в рамках Совместного проекта по изучению гибридных угроз, которые служат ру-

⁶ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Countering Hybrid Warfare / Ed. by Monaghan S. March 2019. P. 16. // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/784299/concept_s_mcdc_countering_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

⁷ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Conceptual Foundation and Implications for Defence Forces. March 2019. P.1-2. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/7207/db36faa8e51d56709c3d4ef433ddf625e730.pdf?_ga=2.263480140.1548099221.1588232627-840606667.1588232627 (дата обращения: 16.04.2020).

ководством для всех экспертов, объединяемых в единую научную сеть под руководством Европейского центра экспертизы по противодействию гибридным угрозам в Финляндии.

Таким образом, гибридные угрозы выводятся на уровень глобальных просто декларативно, без достаточных оснований. Авторы никак не поясняют, почему именно гибридные угрозы играют такую глобальную деструктивную роль, а не, скажем, эрозия международного права, выход США из договоров по ПРО и РСМД, постепенная милитаризация космоса, перераспределение центров сил в мире и т.д. А если говорить о государствах-«ревизионистах», то разве история многих столетий не есть борьба государств за влияние? Почему в настоящее время «ревизионизм» как таковой вдруг объявляют угрозой глобальной дестабилизации? И потом, почему усилиям «ревизионистов» априорно отводится негативная роль?

В качестве стратегии противодействия гибридным угрозам радикалы призывают взять не что иное, как сдерживание в духе холодной войны. Автор подобной идеи Витаутас Киршанскас подчёркивает, что «недостаток решительности или бездействие могут подрвать стратегию сдерживания», а само сдерживание направлено на «нейтрализацию гибридных угроз до их появления», причём эскалация отношений для устрашения противника рассматривается «как неотъемлемая и оправданная часть сдерживания». «Мягкий» ответ на угрозу — демонстрация собственной неуязвимости и другие меры по созданию у противника мотивации отказаться от гибридных действий. А «жесткий» вариант предполагает возмездие в случае перехода «красных линий», причём противнику не обязательно давать понять, в какой форме и на что будет направлена миссия возмездия [26, Keršsanskas V., с. 9–12].

Можно заметить, что «мягкий» ответ радикалов совпадает с описанной выше концепцией «умеренных» — «демократическим сдерживанием». Радикальные эксперты из Королевского военного колледжа Дании критикуют умеренных за пассивную реакцию на проблему гибридных угроз и явную недостаточность «мягких» мер против долгосрочных гибридных угроз, указывая на политику России, которая «не должна оставаться безнаказанной». Более того, политика возмездия должна послужить мощным стимулом объединения усилий ЕС и НАТО, причём реагирование на гибридную угрозу необходимо ввести в статью 5 договора об обязательствах по коллективной обороне альянса [27, Sorensen H., Nyeman D., с. 3, 5].

Столь сильный акцент на «жесткой» безопасности связан с тем, что у радикалов гибридная угроза прямо отождествляется с конкретными сферами уязвимости современного государства, такими как энергетический комплекс. Здесь вновь возникает логическая неувязка. Ведь уязвимость государства связана с его собственными свойствами безотносительно к внешнему окружению (если газа нет в своих недрах — этот факт сам по себе никак не зависит от отношений с другими государствами). А вот угроза возникает внутри или извне государства в результате действий субъекта политики, который может использовать или не использовать уязвимость для нанесения вреда. Получается, что угроза и уязвимость далеко не одно и то же: уязвимость — объективное свойство объекта, а угроза — ожидаемое нега-

тивное последствие от действий субъекта политики. Их отождествление радикалами означает, что уязвимость всегда рассматривается как априорная внешняя угроза, что заранее не оставляет места сотрудничеству. Другими словами, это взгляд на отношение государств только сквозь призму конфликта, что и является отголоском холодной войны.

Представители радикальной точки зрения предлагают механизм проявления гибридной угрозы в виде трёх фаз деятельности. Первая, подготовительная, формирует у населения и правящих элит долгосрочную мотивацию поведения и мироощущения через воздействие на культурные процессы и межнациональные отношения, контроль над новостными каналами, усугубление социальных проблем и т.д. Вторая фаза, дестабилизация, направлена на то, чтобы размыть понятия, регулирующие общественный порядок. Например, понимание внешней и внутренней угрозы, юрисдикция различных уровней и субъектов власти, отношений федерального центра и регионов. Внося дополнительный хаос, можно затруднить или даже парализовать ответные меры государства. Первые две фазы формируют гибридные угрозы как точки уязвимости другого государства, вся деятельность проводится в рамках правового поля. Третья фаза, насилие, соответствует состоянию гибридной войны и направлена на реализацию угроз в практические действия. Она включает в себя военные и любые другие инструменты [25, Nuclear energy..., с. 11–12]. Очевидно, предлагаемый радикалами механизм предполагает отсутствие границы между состоянием мира и войны.

Итак, формируется ситуация искусственной политизации, когда любая уязвимость подается как объективно существующая гибридная угроза извне. Например, предлагается рассматривать зависимость от поставок энергии или энергоносителей как часть системы гибридных угроз данному государству [28, Verner D., Grigas A., Petit F., с. 3]. Исходя из этой логики делается утверждение, что если Финляндия использует ядерные реакторы, построенные по российским технологиям и получает для них топливо из России, возникает гибридная угроза по поставкам энергоносителей и по технологической зависимости [25, Nuclear energy..., с. 13–14]. Между тем, проблемы энергетической политики имеют либо экономическую, либо геополитическую подоплёку, либо их комбинацию, что является общей практикой государств, включая США и другие великие державы, относимые к либерально-демократическим. Но в случае, когда речь идёт о политике России, делается подмена понятий — вместо геоэкономики предлагается рассуждать об инструментах гибридной войны, применяемых Россией.

Подобный приём западные эксперты переносят на сотрудничество в атомной энергетике между Россией и Финляндией. Утверждается, что поскольку руководство Росатома назначается непосредственно из Кремля по политическим мотивам, это делает саму организацию удобным инструментом для гибридного воздействия. Оно не обязательно прямое, но через эффект перетекания (*spill-over*) способно создать рычаг влияния в самых разных сферах: разведывательной деятельности, военной, правовой, социальной, инфраструктурной. В частности, проект строительства Россией атомной станции в финском г. Ханхикиви рассмат-

ривается не только как экономический, но и как часть гибридного воздействия, направленного на раскол ЕС и НАТО [25, Nuclear energy..., с. 32].

В этой же априорно конфликтной логике, продиктованной неоправданным отождествлением уязвимости и угрозы, предлагается рассматривать правовой режим Арктики. Известно, что существует целый ряд спорных вопросов по разделу шельфа, статусу центральной части Северного Ледовитого океана, статусу проливов и морских коммуникаций. Объективно все спорные вопросы решаются в правовом поле, и большинство экспертов считают вероятность военного конфликта на этой почве весьма низкой [29, Загорский А.В.]. Но радикальный взгляд сторонников гибридных угроз предполагает, что существование «серых зон» в правовом регулировании провоцирует военный конфликт нового типа, который получит широкое распространение в XXI в.

Использование правовых норм как оружия войны (lawfare) в «серой зоне» основано на том, что манипуляция правовыми нормами используется при планировании военной кампании. В этой интерпретации под гибридные действия и угрозы подводится позиция России по имплементации норм Конвенции по морскому праву 1982 г., когда она пытается отстаивать статус Северного морского пути как национальной, а не международной транспортной артерии. Провоцирующими конфликт названы водружение российского флага на морское дно в 2007 г. в ходе экспедиции А. Чилингарова и даже подача заявки в комиссию ООН по расширению шельфа — поскольку Россия «проигнорировала претензии других арктических государств» [30, Al-Aridi A., с. 116–117]. Но тогда любая попытка оспаривания Россией своих прав в рамках существующего правового режима Арктики подпадает под гибридные действия и угрозы. Правда, остаётся неясным, почему действия оппонентов России в том же самом правовом поле по вопросу о расширении границ шельфа не считаются гибридными...

Описанный подход к пониманию гибридной угрозы, направленный на искусственную политизацию вопросов региональной политики, в особенности характерен для исследований, проведённых под эгидой международных центров и сетевых организаций с участием США. Искусственная политизация означает, что обсуждаемая гибридная угроза важна не сама по себе, а служит инструментом для достижения иных целей — например, «гибридизация» очень удобна как инструмент недобросовестной конкуренции на рынке энергетических услуг или в любой другой сфере.

Отдельный интерес представляют собой методики, позволяющие выявлять гибридные угрозы. Опыт групп экспертов из различных государств был подытожен в публикации в рамках Совместного проекта по изучению гибридных угроз. Очевидно, что обычные методики, основанные на мониторинге индикаторов (превышение «порога» активности означает рост угрозы), оказываются недостаточными при столь аморфной трактовке содержания и высокой непредсказуемости гибридной угрозы. Действительно, сложно искать серую кошку в темной комнате.

Чтобы решить эту нетривиальную задачу, предлагается разделить гибридные угрозы на два типа: «известные неизвестные» и «неизвестные неизвестные». Если первый потенциально может быть обнаружен по индикаторам, то для угроз второго типа индикаторов нет, т.к. даже их природа неизвестна. Внятного ответа, как быть со вторым типом угроз, в докладе не сформулировано. Рекомендации сводятся, во-первых, к комбинированию уже известных индикаторов и большему вниманию к угрозам, считавшимся прежде маргинальными. Во-вторых, предлагается организовать общенациональный мониторинг максимально широкого спектра деятельности институтов власти и частного бизнеса, выявляя даже незначительные аномалии как возможные признаки неизвестной гибридной угрозы⁸.

Заключение

В политическом дискурсе гибридная война используется для консолидации антироссийских настроений, что наблюдается во многих государствах Европы, в ЕС и НАТО. На доктринальном уровне гибридная война и гибридная угроза не разработаны ни в одной армии мира, поэтому её активное использование в основном связано с искусственной политизацией проблем внешней политики для оказания давления на Россию и другие государства, относимые на Западе к «ревизионистам», которым по определению приписывается стремление дестабилизировать международную систему. Нечёткое определение понятия позволяет включать в гибридные действия любое проявление внешней политики недружественного государства. Отсюда в рекомендациях Европейского центра по противодействию гибридным угрозам и других организаций содержатся меры предельного широкого спектра действий, прямо направленных на эскалацию конфликтных отношений с Россией.

Всплеск внимания к гибридным угрозам, наблюдаемый с 2014 г., отчасти объясняется растерянностью Запада перед фактом быстрых, успешных и инновационных действий в Крыму, где в ходе операции не прозвучало ни одного выстрела. Западные эксперты выражают опасения, что они неверно оценивали глубину модернизации вооружённых сил России [23, Renz B., Smith H., с. 2]. Но за этим интересом можно усматривать и более серьёзные основания. Быть может, глобальный масштаб, который приписывают гибридным угрозам и войнам, отражает нарастающее состояние хаоса в международной системе, эрозию международного права, крах глобальных экономических механизмов и режимов безопасности? Тогда неизбежный рост противоречий усиливает конфликтный потенциал международных отношений, что и делает востребованными нетрадиционные методы противоборства всех против всех. Глобальную угрозу создаёт не гибридность как форма войны, а утрата стабильности международной системы, которая происходит нарастающими темпами. Не эту ли про-

⁸ MCDC Countering Hybrid Warfare Project: Countering Hybrid Warfare / Ed. by Monaghan S. March 2019. P. 25–32. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/784299/concept_s_mcdc_countering_hybrid_warfare.pdf (дата обращения: 16.04.2020).

блему прикрывает тезис о государствах-«ревизионистах» как виновниках глобальной дестабилизации?

Различие между умеренными и радикальными сторонниками концепции гибридных войн состоит в том, что умеренные делают акцент на снижении уязвимости государства и общества перед лицом внешних воздействий, а радикалы, отождествляя уязвимость и угрозу, склонны к априорному восприятию проблемы уязвимости терминах потенциальной конфликтности. Но при аморфности самого понятия гибридной угрозы это чревато необоснованной конфронтацией межгосударственных отношений в духе «охоты на ведьм». Политически деструктивная позиция радикалов подпитывается поддержкой по линии НАТО, ЕС, ряда недружественных России государств, а также в рамках Совместного проекта по изучению гибридных угроз.

На практике тема гибридных войн используется, во-первых, для склонения нейтральных Швеции и Финляндии к сотрудничеству и последующему вступлению в НАТО. Во-вторых, гибридная война помогает дать новый импульс к укреплению НАТО, организации, терпящей кризис на фоне серьёзных разногласий как между США и Европой, так и внутри Европы, по вопросам обеспечения безопасности. В-третьих, искусственное раздувание проблемы гибридных угроз служит аргументом для сторонников увеличения военных расходов европейских государств и активизации НАТО в Арктике.

Повестка гибридной войны в целом имеет корни весьма далёкие от региональных проблем Арктики. Дискуссии о гибридных угрозах выглядят достаточно искусственно и связаны с общим ухудшением отношений России и Запада, которое началось ещё до украинского кризиса. Своего рода рефлексией на глобальные негативные политические тенденции и стали попытки интерпретировать региональные проблемы Арктики сквозь призму концепции гибридной войны. Показательно, что сторонники «гибридизации» международных отношений готовы заранее приписать политике России враждебную направленность даже применительно к проектам обоюдновыгодного сотрудничества в Арктике.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 20-514-22001 ФДНЧ_а «Разработка оптимальной модели системы безопасности человека в Арктической зоне Российской Федерации».

Литература

1. Hoffman F. Conflict in the 21th Century: the Rise of Hybrid Wars. Arlington: Potomac Institute for Policy Studies, 2007. 72 p.
2. Schmid J. Hybrid Warfare on the Ukrainian Battlefield: Developing Theory Based on Empirical Evidence // Journal of Baltic Security. 2019. Vol. 5. No. 1. Pp. 5–15. DOI: 10.2478/jobs-2019-0001
3. Banasik M. Russia's Hybrid War in Theory and Practice // Journal on Baltic Security. 2016. Vol. 2. No. 1. Pp. 157–182.
4. Treverton G., Thvedt A., Chen A. Addressing Hybrid Threats. Stockholm: Swedish Defense University. 2018. 93 p.

5. Davitch J. Open Sources for the Information Age // Joint Forces Quarterly. 2017. Vol. 87. No. 4. Pp. 18–25.
6. Smith A. In the Era of Hybrid Threats: Power of the Powerful or Power of the Weak? Strategic Analysis October 2017. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2017. 8 p.
7. Konyshov V., Sergunin A., Subbotin S. Russia's Arctic Strategies in the Context of the Ukrainian Crisis // The Polar Journal. 2017. Vol. 7. No. 1. Pp. 1–22. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1335107
8. Воронов К.В. Арктические горизонты стратегии России: современная динамика // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 9. С. 54–65.
9. Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80.
10. Sergunin A., Konyshov V. Russian Military Strategies in the Arctic: Change or Continuity? // European Security. 2017. Vol. 26. No. 2. Pp. 171–189. DOI: 10.1080/09662839.2017.1318849
11. Chivvis C. Hybrid War: Russian Contemporary Political Warfare // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. Vol. 73. No. 5. Pp. 316–321. DOI: 10.1080/00963402.2017.1362903
12. Коньшев В.Н., Парфенов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том. 63. № 12. С. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
13. Johnson R. Hybrid war and Its Countermeasures: a Critique of the Literature // Small Wars & Insurgencies. 2018. Vol. 29. No. 1. Pp. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770.
14. Russia's Military Strategies and Doctrine / Ed. by G. Howard, M. Czekaj. Washington: The Jamestown foundation, 2019. 184 p.
15. Reichborn-Kjennerud E., Cullen P. What is Hybrid War? Policy Brief 1/2016. Oslo: Norwegian Institute of International Affairs, 2016. 4 p.
16. Sloan E. Hegemony, Power, and Hybrid War. Berlin: Dialog of Civilizations Research Institute, 2018. 12 p.
17. Hicks K., Federici J., Akiyama C. China in the Grey Zone. Strategic Analysis 4/2019. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. 7 p.
18. Sorensen C. The Ice Dragon — Chinese Interests in the Arctic. Strategic Analysis 5/2019. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. 7 p.
19. Коньшев В.Н., Кобзева М.А. Политика Китая в Арктике: традиции и современность // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 77–92. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92
20. Wigell M. Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference // FIIA Working Papers. 2019. No. 110. 17 p.
21. Atland K. North European Security after the Ukrainian Conflict // Defense and Security Analysis. 2016. Vol. 32. No. 2. Pp. 163–176. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14751798.2016.1160484>
22. Mikkola H. The Geostrategic Arctic: Hard Security in the High North // FIIA Briefing Paper. 2019. No. 25. 8 p.
23. Renz B., Smith H. Russia and Hybrid Warfare — Going Beyond the Label // Papers Aleksanteri. 2016. Helsinki: Kikimora Publications, 2016. 62 p.
24. Helsinki in the Era of Hybrid Threats — Hybrid Influencing and the City. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. 30 p.
25. Nuclear Energy and the Current Security Environment in the Era of Hybrid Threats. Research Report. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. 45 p.
26. Keršanskas V. Deterrence: Proposing a More Strategic Approach to Countering Hybrid War // Hybrid Coe Paper 2. 2020. 23 p.
27. Sorensen H., Nyeman D. Going Beyond Resilience. Strategic Analysis November 2018. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2018. 9 p.
28. Verner D., Grigas A., Petit F. Assessing Energy Dependency in the Age of Hybrid Threats. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. 18 p.
29. Загорский А.В. Хрупкое спокойствие в Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 97–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-97-102
30. Al-Aridi A. Legal Complexities of Hybrid Threats in the Arctic Region // Teise. 2019. Vol. 112. Pp. 107–123.

References

1. Hoffman F. *Conflict in the 21st Century: the Rise of Hybrid Wars*. Arlington, Potomac Institute for Policy Studies, 2007, 72 p.
2. Schmid J. Hybrid Warfare on the Ukrainian Battlefield: Developing Theory Based on Empirical Evidence. *Journal of Baltic Security*, vol. 5, no. 1, 2019, pp. 5–15. DOI: 10.2478/jobs-2019-0001
3. Banasik M. Russia's Hybrid War in Theory and Practice. *Journal on Baltic Security*, vol. 2, no. 1, 2016, pp. 157–182.
4. Treverton G., Thvedt A., Chen A. *Addressing Hybrid Threats*. Stockholm, Swedish Defense University Publ., 2018, 93 p.
5. Davitch J. Open Sources for the Information Age. *Joint Forces Quarterly*, vol. 87, no. 4, 2017, pp. 18–25.
6. Smith A. *In the Era of Hybrid Threats: Power of the Powerful or Power of the Weak? Strategic Analysis October 2017*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2017, 8 p.
7. Konyshov V., Sergunin A., Subbotin S. Russia's Arctic Strategies in the Context of the Ukrainian Crisis. *The Polar Journal*, vol. 7, no. 1, 2017, pp. 1–22. DOI: 10.1080/2154896X.2017.1335107
8. Voronov K.V. Arkticheskie gorizonty strategii Rossii: sovremennaya dinamika [Arctic Horizon of Russia's Strategy: Contemporary Dynamics]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2010, no. 9, pp. 54–65.
9. Zagorskiy A.V. Voennoe stroitel'stvo v Arktike v usloviyakh konfrontatsii Rossii i Zapada [The Arctic Defense Postures in the Context of the Russia-West Confrontation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80.
10. Sergunin A., Konyshov V. Russian Military Strategies in the Arctic: Change or Continuity? *European Security*, 2017, vol. 26, no. 2, pp. 171–189. DOI: 10.1080/09662839.2017.1318849
11. Chivvis C. Hybrid War: Russian Contemporary Political Warfare. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 73, no. 5, 2017, pp. 316–321. DOI: 10.1080/00963402.2017.1362903
12. Konyshov V., Parfenov R. Gibrindnye voyny: mezhdum mifom i real'nost'yu [Hybrid Wars: Between Myth and Reality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2019, vol. 63, no. 12, pp. 56–66. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66
13. Johnson R. Hybrid War and Its Countermeasures: a Critique of the Literature. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no. 1, 2018, pp. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770
14. Howard G., Czekaj M., eds. *Russia's Military Strategies and Doctrine*. Washington, The Jamestown foundation Publ., 2019, 184 p.
15. Reichborn-Kjennerud E., Cullen P. *What is Hybrid War. Policy Brief 1/2016*. Oslo: Norwegian Institute of International Affairs Publ., 2016, 4 p.
16. Sloan E. *Hegemony, Power, and Hybrid War*. Berlin, Dialog of Civilizations Research Institute Publ., 2018, 12 p.
17. Hicks K., Federici J., Akiyama C. *China in the Grey Zone. Strategic analysis 4/2019*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2019, 7 p.
18. Sorensen C. *The Ice Dragon — Chinese Interests in the Arctic. Strategic Analysis 5/2019*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2019, 7 p.
19. Konyshov V., Kobzeva M. Politika Kitaya v Arktike: traditsii i sovremennost' [China's Policy in the Arctic: Tradition and Modernity]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics], 2017, no. 1, pp. 77–92. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-77-92
20. Wigell M. *Democratic Deterrence: How to Dissuade Hybrid Interference. FIIA Working Papers, no. 110*. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs Publ., 2019, 17 p.
21. Atland K. North European Security After the Ukrainian Conflict. *Defense and Security Analysis*, 2016, vol. 32, no. 2, pp. 163–176. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14751798.2016.1160484>
22. Mikkola H. *The Geostrategic Arctic: Hard Security in the High North. FIIA Briefing Paper April 22/2019/25*. Helsinki, Finnish Institute of International Affairs Publ., 2019, 8 p.
23. Renz B., Smith H. *Russia and Hybrid Warfare — Going Beyond the Label. Papers Aleksanteri 1/2016*. Helsinki, Kikimora Publications, 2016, 62 p.

24. *Helsinki in the Era of Hybrid Threats — Hybrid Influencing and the City*. Helsinki, The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2019, 30 p.
25. *Nuclear Energy and the Current Security Environment in the Era of Hybrid Threats. Research Report*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2019, 45 p.
26. Keršanskas V. *Deterrence: Proposing a More Strategic Approach to Countering Hybrid War. Hybrid Coe Paper 2. March 2020*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2020, 23 p.
27. Sorensen H., Nyeman D. *Going Beyond Resilience. Strategic Analysis November 2018*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2018, 9 p.
28. Verner D., Grigas A., Petit F. *Assessing Energy Dependency in the Age of Hybrid Threats*. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats Publ., 2019, 18 p.
29. Zagorski A.V. Khrupkoe spokoystvie v Arktike [Fragile Peace in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2018, vol. 62, no. 9, pp. 97–102. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-97-102
30. Al-Aridi A. Legal Complexities of Hybrid Threats in the Arctic Region. *Teise*, 2019, vol. 112, pp. 107–123.

Статья принята 03.05.2020.